

Сквозь тучи молния в дыму по сфере блещет,
Там море корабли турецки в воздух мечет.
И кажется с брегов: морски валы горят,
А Россы бездну вод во пламень претворят:
Российско воинство везде там ужас сеет,
Там знамя русское, там флаг российский веет. . .

(с. 360)

Перед нами устойчивый набор лексики, исполненной высокого пафоса панегирических песнопений, стихи, несущие все признаки стилистического строя торжественной оды. Но тем самым оказывается явно нарушенным единство поэтической системы сатиры. Причем оно нарушается также и в тематическом плане, ибо воспевание побед русской армии над турками никак не вытекает из рассуждений о плохих поэтах и переводчиках. В чем же художественный смысл такой внезапной смены стилистической тональности в пределах структуры одного произведения? Западно-германская исследовательница Х. Шредер в своей книге о русской стихотворной сатире XVIII в. уже обращала внимание на эту особенность IV сатиры Сумарокова. Она объясняла ее пародийным заданием, положенным в основу идейного замысла произведения. Такое объяснение справедливо, но встает вопрос об объекте сумароковской пародии. Х. Шредер полагает, что в данном случае Сумароков имел в виду оды Ломоносова. Она ссылается на примеры, уже имевшие место ранее: «Достаточно указать на 2-ю „вздорную оду“ Сумарокова, в которой высмеивается стиль од Ломоносова. Считается, что эти пародии возникли около 1759 г., но и через 15 лет Сумароков занимает не менее воинственную позицию по отношению к ломоносовскому направлению. Для нас достаточно сопоставить часть лексического материала второй „вздорной оды“ и пародии в сатире».⁴ И далее исследовательница проводила сопоставление лексики, подтверждавшее, по ее мнению, справедливость предложенного объяснения. Так, списку опорных существительных из словаря пародии (*восторг, предел, горизонт, туча, молния, дым, сфера, море, бездна, пламень, взор, зрак* и т. п.) соответствуют существительные, употребленные в тексте «вздорной оды»: (*гром, молния, море, облака, тьма, горизонт, дым, трон, небеса, держава, твердь, пучина, бездна* и т. д.). Аналогичным образом Х. Шредер сопоставляет глагольный состав лексики двух произведений, наиболее употребительные прилагательные. Интересен сопоставительный ряд собственных имен. В тексте сатиры это: *Отоман, Россы, Бендеры, Гелеспонт, Нева, Кремль, Евфрат, Сион*. Им противостоят употребленные во «вздорной оде» *Ефес, Дамаск, Персеполь, Борей, Океан, Фаетон, Нептун*.

Как видим, в отдельных элементах общность лексического состава действительно наблюдается. Но привлечение этногеографиче-

⁴ Schroeder H. Russische Verssatire im 18. Jahrhundert, S. 157. (Перевод наш, — Ю. С.)